

Я — ТВОЙ ОТЕЦ

Екатерина Суздалева

Екатерина Суздалева

Я — твой отец

«Автор»

2026

Суздалева Е.

Я — твой отец / Е. Суздалева — «Автор», 2026

Кэролайн перечитала «Нападение Тьмы» двадцать три раза. Она знает наизусть каждую реплику Алекса Дрейка — лучшего воина Лучезарии. Холодного. Безупречного. Вымышленного. Она влюблена в него с четырнадцати лет. А потом на уроке гаснет звук, за окном поднимается тварь из книги — и Кэролайн приходит в себя по ту сторону страниц. В мужском теле. Девушку, которая её спасла, зовут Миранда. Так звали мать Алекса. Шесть лет Кэролайн проживёт чужой жизнью: полюбит обречённую женщину, будет таскать брёвна, чинить ставни, оставлять на дне миски ложку каши на удачу. А когда родится сын, жена скажет: «Давай назовём его Алексом». И девочка, влюблённая в героя книги, поймёт, что стала его отцом. Потом она вернётся домой. Вырастет. И однажды шагнёт обратно — уже собой, двадцатипятилетней. Потому что помнит то, чего не знает никто в этом мире: в книге Алекс Дрейк погибает. Она пришла это изменить.

© Суздалева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Екатерина Суздалева

Я — твой отец

Пролог

Зона четыре. За пятьдесят лет до того, как всё началось

Свет никогда не выключался.

Итан Хейл вырос с этим, как другие вырастают с шумом моря или запахом пекарни за углом: стена стояла на востоке, огромная, серая, десятиметровая, — и по самому её верху, от горизонта до горизонта, тянулась ровная белая полоса. Лучевой пояс. Днём его почти не было видно, он терялся в небе. А вечером, когда солнце уходило за поля, пояс проступал так ясно, будто кто-то провёл по краю мира мелом и забыл стереть.

Ночи в Лучезарии не темнели. Они просто становились белыми.

— Ты меня не слушаешь, — сказала Лия.

— Слушаю.

— Что я сказала?

— Что-то важное.

Она пихнула его в плечо, он пихнул в ответ, оба чуть не съехали с насыпи, за которую им обоим уже раз двадцать доставалось от взрослых. Насыпь была старая, поросшая жёстким клевером, и с неё открывался самый лучший вид в зоне четыре — то есть вид на стену, потому что больше в зоне четыре смотреть было особенно не на что. Поля. Ветряки. Черепица. Пекарня. Депо, где раз в неделю останавливался поезд на Солнце, и все выходили посмотреть, будто это чудо, а не поезд.

Им было по двенадцать. Они дружили с рождения, потому что их матери дружили ещё раньше, и это была одна из тех дружб, в которых никто не помнит начала — как не помнят, когда научились ходить.

— Я сказала, — терпеливо повторила Лия, — что запишусь в стражи.

Итан фыркнул.

— Тебе двенадцать.

— Через четыре года будет шестнадцать.

— И что ты там будешь делать? Полсотни лет никто не нападал. Дедушка говорит, последний кромешник, которого он видел, был дохлый, и его показывали в ярмарочной палатке за две монеты. И тот, говорят, был из воска.

— А я всё равно запишусь. — Лия подтянула колени к груди и упрямо уставилась на стену. Ветер шевелил её волосы, забрасывал прядь ей в рот, и она выплёвывала её, не отводя взгляда. — Просто чтобы стоять там, наверху. Ты вообще думал, как это? Идёшь по патрульной дорожке, а над тобой пояс гудит, и вниз, в темноту, — ничего. Совсем ничего. И ты один между этим «ничего» и всеми.

— Я думал, — сказал Итан.

— И?

— И я тоже запишусь. Только я стану лучше тебя.

— Не станешь.

— Стану.

— Не станешь, ты в прошлом месяце от гуся убежал.

— Это был не гусь, это было чудовище, — с достоинством сказал Итан, и Лия расхохоталась так, что чуть не свалилась с насыпи по-настоящему.

Внизу, в посёлке, зажигали лампы — хотя зачем, никто толком не знал: под поясом и без ламп было светло, просто это был другой свет, холодный, ровный, без теней. Люди всё равно жгли свои жёлтые лампы, потому что от белого света еда казалась несъедобной, а лица — мёртвыми.

Пахло дымом и мокрой травой.

— Мама сказала, если опоздаю к ужину, будет плохо, — сказал Итан.

— Тебе всегда плохо.

— Мне сегодня особенно плохо будет, у нас пирог.

— Ну если пирог. — Лия поднялась, отряхнула колени. — Пошли, герой.

Они спустились с насыпи вдвоём, толкаясь и пререкаясь ни о чём, и потом Итан всю жизнь будет пытаться вспомнить, о чём именно они пререкались в те последние две минуты, — и не вспомнит. Что-то про пирог. Что-то про гуся.

А потом стена мигнула.

Никто на свете не видел, чтобы Лучевой пояс мигал. Это было всё равно что увидеть, как моргнуло солнце. Итан остановился и поднял голову — просто потому, что на секунду вокруг стало не так светло, и глаза сами дёрнулись вверх, ища, где сломалось.

Полоса на стене была разорвана.

Не погашена — разорвана. В ровной белой линии зияла чёрная прогалина метров в двадцать, и края её медленно, неровно расползались, будто кто-то откусил кусок и теперь дожёвывал.

— Что это, — сказала Лия. Не спросила. Сказала.

Завыла сирена. Не сигнальный колокол, к которому все привыкли, — в зоне четыре в колокол били, когда шёл поезд или горел чей-нибудь сарай. Это была сирена, старая, с самой стены, из тех, что проверяли раз в год по весне, и все привыкли, что это учения, что после сирены надо просто идти дальше по делам.

Она выла на одной ноте, и от этой ноты у Итана заныли зубы.

По насыпи бежали люди. Не к домам — от домов, к депо, и кто-то кричал: «Поезд! Поезд подадут!» — а кто-то кричал, чтобы не бежали, стойте, стойте, а кто-то просто кричал.

Итан обернулся к стене.

И увидел его.

Позже, много лет спустя, его будут заставлять описывать это на разборах, на комиссиях, в кабинетах с картами, и он каждый раз будет говорить одно и то же, потому что другого не находилось: он был высотой со стену.

Не с половину стены. Не почти со стену.

Со стену.

Он поднялся с той стороны, из темноты, где никогда никто не поднимался, и его голова оказалась вровень с патрульной дорожкой, и стражи, бежавшие по дорожке, оказались ему по ключицу. Он был серый, как мокрая глина, и двигался не быстро — почти лениво, — и он наклонился к Лучевому поясу и прижался к нему лицом.

И стал есть свет.

Пояс гас там, где он касался. Просто гас, полосой, как гаснет фитиль. Гудели пушки — по нему били аврокапсулами, било сразу с трёх батарей, и белые вспышки лопались на его плечах, на спине, в них было столько света, что смотреть было больно; и там, куда они попадали, дымилась и лопалась серая шкура, и было отлично видно, как под ней всё срастается обратно. Быстрее, чем успевали перезарядить.

— Итан, — сказала Лия очень тихо. — Итан, там наши.

Их дома были у самой стены.

Он ел ещё секунд десять — неторопливо, обстоятельно, как едят что-то любимое. Потом оторвался, поднял голову, и Итан впервые увидел его лицо, вернее то, что было вместо лица, и обнаружил, что стоит на коленях, хотя не помнил, как опустился.

Тварь развернулась и ушла.

Просто ушла — обратно в темноту, тяжело, вразвалку, унося на плечах дымящиеся дыры. А через погасший провал в стену полезли остальные.

Они были не десятиметровые. Два, два с половиной, три — и их было много, и они были разные. Одни шли грузно, как быки, ломая плечами всё, что попадалось; другие текли по земле низко и быстро, так быстро, что глаз не успевал, и от этой скорости внутри что-то обрывалось раньше, чем успевал сработать страх. Они бились в стену снизу, в бетон, и бетон, простоявший пятьдесят лет, крошился под их руками, как сухарь.

У них были очень большие руки. Это Итан запомнил лучше всего. Взрослому человеку такая рука приходилась поперёк груди целиком.

Дальше время пошло кусками.

Кусок: они бегут вниз, к домам, против потока, и кто-то хватается Лию за плечо, и она вырывается так, что рвётся рукав.

Кусок: улица, знакомая до последнего камня, и на ней всё не так — перевёрнутая телега, чей-то ботинок, много красного, слишком много, чтобы это могло принадлежать одному человеку.

Кусок: мама Лии в дверях, она кричит им, чтобы бежали к депо, и она кричит это, уже когда за её спиной опускается тень.

Итан помнит, что Лия не закричала. Вот это он помнит очень отчётливо и потом будет ненавидеть себя за то, что помнит именно это: Лия просто перестала дышать. Стояла и не дышала, и смотрела.

Кусок: его собственная мать. Отец, который заслонил её плечом, — как будто плечом можно заслонить.

Кусок: он бежит и не понимает, что бежит, потому что кто-то несёт его под мышкой.

От этого «кого-то» пахло перегаром.

Дугласа в зоне четыре знали все. Страж Дуглас, который никогда не воевал, потому что воевать за его пятьдесят лет службы было не с кем; который спал на посту; которого дважды разжаловали и оба раза восстановили, потому что на кого ещё вешать ночную смену над мирным полем. Дуглас, у которого всегда была для детей карамелька в кармане, липкая, в шерсти, и все её всё равно брали.

Он бежал молча. Итан у него под правой рукой, Лия под левой, и он бежал так, будто в нём вообще не было ни одного прожитого года, — а сзади что-то догоняло, и Итан слышал, как оно скребёт когтями по мостовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.